

ственной литературы, посвященной названной проблеме, то ее для автора, похоже, не существует.

Небрежность стиля, терминологии, формулировок – общий недостаток всех глав, хотя они написаны с участием разных авторов. Неясным остается и то, что авторы в итоге хотят предложить, ибо, несмотря на объявленную в самом начале книги "практическую значимость" труда, конструктивно-прикладных предложений в труде не содержится. Рецензируемая книга – классический пример подмены научной объективности объективистским анализом (точнее, псевдонаучным), что объясняется ангажированным характером самого исследовательского проекта. Этот "труд" нагляднее других демонстрирует специфические особенности "ангажированной этнологии", о которой говорилось выше.

Литература

- Арутюнян и др. 1984 – Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.
- Джери, Джери 1999 – Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (COLLINS). М., 1999.
- Добреньков, Кравченко 2008 – Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М., 2008.
- Ильин 2006 – Ильин В.А. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006.
- Конохов 2004 – Конохов А.К. Современная этнолингвистическая ситуация в Республике Коми (по результатам социологических исследований) // История, современное состояние и перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Матер. III Всерос. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2004. С. 560–562.
- Кореняко 2000 – Кореняко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. М., 2000.
- Семенова 1998 – Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. М., 1998.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Финно-угорские 2005 – Финно-угорские народы России. Общее положение, проблемы и решения / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 183. М., 2005.

ЭО, 2009 г., № 4

© С.Н. Абашин. Рец. на: **Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. В 3-х т.** Ред. А.П. Ярков. Т. 1: Источники и историография. Тюмень: Колесо, 2007. 418 с.; **А.В. Сызранов. Ислам в Астраханском крае: история и современность.** Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2007. 181 с.; **А.А. Ярлыкяпов. Ислам у степных ногайцев.** М.: ИЭА РАН, 2008. 266 с.

Каждая из предложенных вниманию читателя книг заслуживает самостоятельной рецензии. Это бесспорно. Я, однако, чтобы не писать три отдельных комментария, решил написать один, учитывая те общие темы и идеи, которые во всех книгах присутствуют. Их объединяет, во-первых, обращение к изучению ислама. Во-вторых, тот факт, что речь идет о российских регионах, которые редко попадают в фокус исламоведческих исследований. В-третьих, написаны работы этнографами (к слову, уроженцами соответствующих регионов) или, как в случае с книгой "Ислам на краю света", с участием этнографов, об этом я тоже хочу сказать несколько слов.

Сергей Николаевич Абашин – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Начну по порядку. Тема ислама в России стала сегодня необычайно популярной. Это часть общей в мире тенденции роста интереса к исламу и мусульманскому обществу, что отражает последние политические и геополитические изменения в мире. В рамках этой волны исламоведческих работ появляется множество откровенно ксенофобских "исследований" и публикаций, которые противопоставляют ислам другим религиям и вообще всему миру, приписывают этой религии и ее сторонникам негативные характеристики, окрашивают историю и культуру ислама исключительно в черные тона. Таких тенденций, увы, не избежали и российское общественное мнение и российская наука.

Рецензируемые книги – как раз пример строго академического подхода к объекту и предмету изучения. Это исключает какие-либо спекуляции на тему ислама и дает читателю ясное представление об описываемом явлении.

Каждый из авторов выбирает собственную структуру изложения, хотя все исповедуют схожий монографический жанр повествования, сочетающий экскурсы в историю с этнографическими описаниями. Книга А.В. Сызранова включает пять глав: первые четыре характеризуют историю ислама в Астраханском регионе с эпохи средневековья до сегодняшнего дня, пятая глава посвящена более подробному описанию и анализу практик – обрядов, обычаев, воззрений – местных мусульман. В исторической части работы говорится о Хазарском каганате и Золотой Орде, подробно об Астраханском ханстве и формировании различных групп местного мусульманского населения, о политике царской России в отношении ислама и особенностях жизни астраханских мусульман под русским управлением, об истории местного ислама в советский и постсоветский периоды. Книга А.А. Ярлыкапова включает в себя три главы, которые построены по более экономному хронологическому порядку – досоветское время, советское и постсоветское, при этом рассказ о ногайской культуре включен внутри этих разделов. Автор говорит о Ногайской орде и специфике кочевого ислама, о его взаимодействии с центральноазиатскими и кавказскими мусульманами, о жизни исламской ногайской общины в Российской империи, об участии ногайцев в гражданской войне и о преследовании ислама большевиками, о способах выживания ислама в советское время и об исламском возрождении в постсоветскую эпоху.

Книга о сибирском исламе (напомню, что это только первый том планируемого триптиха) состоит из трех глав: в первой говорится о регионе и своеобразии местного географического и культурного ландшафта, во второй и третьей – соответственно об источниках, средневековых и современных, и историографии. Авторы подробно рассказывают о составе мусульманского населения Сибири, его происхождении и этнических особенностях, затем не менее скрупулезно перечисляют и анализируют те материалы, на которых строится их повествование, – устная традиция (разные жанры народного фольклора, антропонимы и пр.), письменная (родословные, предания, исторические сочинения, надмогильные эпиграфические надписи, грамоты, русские летописи, работы российских географов и этнографов, путевые заметки, делопроизводство, статистика и пр.), материальные артефакты (украшения, амулеты, археологические памятники, могильники, культовые постройки, рисунки, фотографии, монеты и пр.). Не менее основательно авторы "Ислама на краю света" анализируют историю изучения сибирского ислама.

Подчеркнутый академизм исследований состоит в том, что авторы пользуются как максимально полным списком письменных (в том числе архивных) источников по своей теме, так и собственными, собранными в полевых условиях, материалами. Во всех работах мы находим ссылки на множество трудов предшественников и читаем критический их разбор. Следование строгим научным стандартам подразумевает также нейтральный стиль изложения, отсутствие скороспелых оценок, осторожное обобщение. Все эти приемы, характерные для научного стиля, позволяют "нормализовать" любую тему, которая общественному мнению кажется острой и необычной. Ислам в такого рода исследованиях предстает не как экзотический "другой", не как "угроза" или "вызов", а как вполне понятная религия и образ жизни, часть общего для всех конфессий культурного пространства, часть общей – "нашей" – истории.

Особенностью всех трех книг, как я уже сказал, является региональный ракурс, причем во всех случаях в центре внимания – периферии. Астраханская обл. – это своего рода культурный

перекресток между Северным Кавказом, Поволжским регионом и Центральной Азией, то же можно сказать о Ногайской степи, Западная Сибирь – в некотором роде культурная окраина Центральной Азии, что даже нашло отражение в несколько эпатажном заголовке "Ислам на краю света". Пограничный характер указанных регионов ставит множество интересных вопросов перед исследователями: как и в каких формах ислам выживает, не имея тесных связей с крупными религиозными центрами и строгой догматической традицией, как взаимодействует ислам с местными – домусульманскими и немусульманскими по происхождению – обычаями и представлениями.

Авторы рецензируемых книг проблематизируют эту тему, говоря о "народном исламе", который впитал в себя многие доисламские и неисламские элементы. У всех мы увидим подробное описание местной космологии и демонологии, реликтов шаманской практики и анимистических воззрений, сельскохозяйственных обрядов, местных вариантов исполнения мусульманских календарных и семейных ритуалов, посещения святых мест. Мы видим в их работах, как мусульманские и немусульманские представления взаимодействуют, переплетаются и в результате образуют единый культурный комплекс. Особенно примечательно, что исследователи не просто реконструируют некие представления, но и пытаются, опираясь на письменные источники и этнографические интервью, проследить их трансформации, увидеть драматическую историю формирования и угасания многих культурных элементов, конфликтов между различными направлениями, приспособление ислама к меняющимся условиям жизни.

Примеров такого анализа можно найти много. В книге А.А. Ярлыкапова есть, в частности, интересные сведения о ногайских "йинли молла" – знатоках вероучения, которые "обладают" духами (йин, джинн) и могут лечить с их помощью людей. В этой фигуре зримо переплетаются "ортодоксальный" и "народный" элементы ислама, которые невозможно отделить друг от друга. Оставаясь полностью в рамках письменной (и в этом смысле "догматической") версии ислама, йинли молла одновременно выполняет функции, которые до него выполнял какой-нибудь шаман или священнослужитель языческого культа. Ислам, таким образом, не противостоит остальным культурным традициям, а вполне органично их впитывает, мусульманизирует.

В этой связи я обратил бы внимание также на подробное описание А.В. Сызрановым культа святых мест в Астраханском регионе. Этот сюжет давно привлек внимание ученых, которые занимаются Кавказом и Центральной Азией. В книге мы находим недостающее звено в общей картине и восстанавливаем цепочку взаимодействия между двумя названными центрами, наблюдая, как на астраханскую землю и через нее "мигрируют" кавказские и центральноазиатские культы. Особый интерес представляет, на мой взгляд, рассказ о культах средневекового полумифического святого Тукли-баба Шалы-адже и выходца из Дагестана, реального исторического персонажа, жившего в XIX в., Махмуда-афанди.

Святые места – еще один пример, когда ислам перенимает у других локальных или культурных традиций некоторые обычаи, поверья, практики. Мы видим опять, что последние вполне вписываются в новые религиозные рамки и существуют в них, не входя в противоречие с мусульманской идентичностью. Конечно, вера в духов или святые места всегда вызывала критику со стороны мусульманских "ортодоксов" и обвинения в многобожии, т.е. в отказе от "настоящего" ислама. И тем не менее в сознании большинства верующих – это вполне легитимная мусульманская практика. Должен ли исследователь вставать на чью-то сторону в этом споре? Или необходимо рассматривать эту борьбу противоположных интерпретаций как черту ислама?

О "народном исламе" пишут и авторы книги о Сибири – правда, более подробное описание его сибирских особенностей ожидается в последующих томах. Впрочем, уже здесь мы встречаем упоминание и описание некоторых сибирских мусульманских культов, обычаев, представлений. Прочитав первый том, читатель уже предвкушает увлекательные открытия и ожидает встречи с противоречивым миром традиций в сибирском исламе.

Все авторы книг, которые я рецензирую, подчеркивают, что говоря о различии "ортодоксального" и "народного" ислама, нельзя противопоставлять один другому – это в действительности компоненты одного целостного мировоззрения, идентичности (Сызранов. С. 4–5; Ярлыка-

пов. С. 5; Ислам на краю света. С. 57). Это сложный вопрос, который вызывает множество противоречивых толкований и недоразумений. Парадокс заключается в том, что в повседневной практике мы действительно видим очень своеобразные локальные (региональные или групповые) культуры, но любая попытка осмыслить это своеобразие как самостоятельное явление, оторванное от более строгих и пуританских форм исламской догматики, приводит нас к тупику – мы искусственно сужаем границы ислама, выступая в роли своеобразных академических фундаменталистов.

Не обойдены в рецензируемых книгах и современные проблемы ислама. В них, как я уже упоминал, говорится о новейших процессах в российском исламе: восстановление мусульманских общин и многих мусульманских практик, появление новых мусульманских течений, представители которых выступают с критикой традиционных обычаев и пытаются занять лидирующие позиции среди верующих. Читатель вспомнит, например, что именно в Астрахани в 1990 г. прошла учредительная конференция общесоюзной Партии исламского возрождения, которая дала жизнь многим исламским политическим организациям на всем постсоветском пространстве. Узнает, что именно в Астрахани обосновались многие так называемые ваххабитские общины, которые были изгнаны с Кавказа. Об исламском фундаментализме на Кавказе, и среди ногайцев в частности, достаточно подробно пишет А.А. Ярлыкапов. Эта тема, конечно, требует дальнейших и более детальных исследований, постоянного мониторинга и осмысления – что, я думаю, станет предметом новых работ, написанных нашими авторами.

Наконец, я хотел бы сказать о роли этнографии в изучении ислама. Так сложилось, что в советское время профессиональным исламооведам был закрыт доступ к изучению ислама в регионах СССР. В советской стране ислама, как и секса, как бы не было. Этнография по сути осталась наедине с местным исламом и пыталась своими силами понять, в каком положении находятся мусульманское самосознание и мусульманские обычаи. В последнее время, когда тема перестала быть закрытой для обсуждения, исламоведы потеснили этнографов и заявили о своем исключительном праве на понимание, что такое ислам, обвинив коллег по другой дисциплине в незнании мусульманской истории и соответствующих текстов. Последнее обстоятельство в общем-то соответствует истине и действительно породило массу неточных интерпретаций и сомнительных определений, в том числе упомянутый выше "народный ислам". Однако ислам – это не только тексты (кстати, тоже нередко весьма неоднозначные), но и живые люди со своими взглядами, практиками, стереотипами, со своими очень противоречивыми суждениями и поступками. Поэтому неудивительно, что этнографы по-прежнему выступают в роли тех, кто пишет об исламе, исследует, как письменные правила и нормы преломляются в повседневном быту, и даже ставит под сомнение те или иные исламоведческие "истины". Этнография, как показывает пример рецензируемых книг, по-прежнему сохраняет за собой важное, даже лидирующее место в изучении российского ислама и ни в коем случае не должна терять своих исторически завоеванных позиций.

Не будучи специалистом по тем регионам, о которых говорится в рецензируемых книгах, я не стану, просто не решусь говорить о каких-то недостатках и ошибках. Пусть это станет предметом интереса для других рецензентов и возможных оппонентов. Для меня важнее сам факт появления этих исследований, что говорит о способности российской науки, и этнографии в том числе, следить за современными тенденциями в обществе, формулировать вопросы и предлагать свой анализ социальных и исторических процессов.